

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПЕРВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю. В. Заборских

Любая из существующих наук — гуманитарных или естественных — имеет свою историю. Знание истории той или иной науки (физики, математики, социологии и т.д.) является необходимым условием для её прогресса. Не менее важную роль в функционировании философии играет знание её прошлого.

Словосочетание «история философии» может пониматься двояко. Под историей философии понимается процесс развития философии с момента её возникновения и до настоящего времени. Кроме того, история философии может обозначать отрасль философского знания, особую философскую дисциплину, предметом которой является реконструкция, описание, анализ истории философии как процесса.

В данном случае нас будет интересовать именно вторая ипостась истории философии, то есть история философии как область исследования. В этом своём качестве история философии может быть обозначена как философская дисциплина, предметом которой является процесс возникновения и развития философского знания. Она представляет собой теоретическую реконструкцию, интерпретацию и критическое осмысление этого знания, выявление внутренней связи и взаимообусловленности его составляющих, представленных различными философскими течениями, школами и направлениями, а также выявление их социокультурной обусловленности.

В соответствии с указанными атрибутами выделяются различные формы историко-философского исследования. Так, отечественный философ и методолог науки З. А. Каменский в качестве основных форм историко-философского исследования называет «всемирно-историческую» и «национальную» формы. В том случае, если историк философии склоняется ко второй — «национальной» — форме, объектом его изучения становится конкретно-историческое бытие философского знания¹. Предложенное деление можно встретить и у других исследователей².

Если проблема определения периода становления русской философии обсуждалась (А. И. Введенский, Г. Г. Шпет, Б. В. Яковенко, Г. В. Флоровский, Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский и др.) и продолжает обсуждаться (М. А. Маслин, В. В. Сербиненко, А. Ф. Замалеев, Б. В. Емельянов, А. Т. Павлов и др.) в среде профессиональных исследователей, то вопрос о моменте возникновения отечественной философской историографии имеет, как кажется, однозначный ответ. Начало систематического изучения русской философии связано, прежде всего, с деятельностью архимандрита Гавриила.

Архимандрит Гавриил (Николай Васильевич Воскресенский) (1795–1868) за время своего служения сменил несколько поприщ. Был он и инспектором Санкт-Петербургской духовной академии (1824–1825), ректором Орловской и Могилёвской духовных семинарий (1825–1827 и 1827–1829 соответственно), настоятелем Зилан-

това монастыря в Казани (1829–1852), наконец, профессором Казанского университета (1849–1852). Однако известен архимандрит Гавриил, прежде всего, не как церковный деятель и педагог, но как первый историк русской философии.

В 1837–1840 гг. в Казани, в типографии Казанского университета, вышло объёмистое — из шести частей — сочинение архимандрита Гавриила «История философии». Последнюю часть своего труда архимандрит посвятил рассмотрению русской философии.

Историографию русской философии принято понимать как предметную и проблемную область истории русской философии, имеющую своей задачей изучение истории философской мысли в России в её связи с мировой философией и в контексте национальной философской традиции³. В соответствии с этим шестую книгу «Истории философии» архимандрита Гавриила можно считать первой историей русской философии.

«История философии» архимандрита Гавриила примечательна рядом своих новаций. Его труд — одно из первых русских историко-философских исследований, где разрабатывались теоретико-методологические проблемы историко-философского знания. Автор пытается определить предмет истории философии как науки, её задачи и функции. Он считает, что, поскольку философия имеет самостоятельный, отличающийся от религии и других проявлений человеческой деятельности предмет своего исследования, «история философии не есть история гражданского образования, художеств, законодательств, наук, религий. Она есть история опытов, изъяснение цели, хода и взаимных отношений религии, наук, законодательства, гражданского образования» (разрядка наша. — Ю. З.)⁴. Вместе с тем архимандрит Гавриил специально подчёркивает: разделённые как объект исследования, «в душе истинного философа религия и философия соединены совершенно»⁵.

Как справедливо замечает Б. В. Емельянов, подобная констатация Гавриила свидетельствуют о том, что история философии для него выступает в качестве «истории познавательных возможностей человека <...> которые должны рассматриваться совокупно»⁶, без абсолютизации какой-либо одной из них. Кроме того, история философии как история познания должна рассматривать существовавшие школы и теоретические направления, во-первых, хронологически («должно следовать тому порядку, в каком они обнаруживались»), а во-вторых, в их взаимовлиянии и взаимозависимости. «Руководствуясь хронологией, должно преимущественно смотреть на связь и постепенное раскрытие идей», — писал Гавриил⁷.

Ещё одна важная идея связана с разработкой Гавриилом проблем структуры и предпосылок историко-философского знания. По мнению архимандрита, «вещество истории философии есть внутреннее и внешнее», где «внутреннее» — это «стремление ума к изысканию коренных начал природы и свободы», а «внешнее» — «причины, события и обстоятельства, имеющие влияние на раскрытие философского ума и на свойство его произведений» (разрядка наша. — Ю. З.)⁸. Таким образом, архимандрит выдвигает требование обязательного учёта индивидуальных особенностей философа, чьи произведения подвергаются

историко-философскому анализу, а также культурно-исторических условий его творчества.

Последнее утверждение, с нашей точки зрения, имплицитно содержит и другую методологическую установку: в своих суждениях историк философии должен освобождаться от предубеждений, использования непроверенных фактов и вынесения случайных оценок. Вместе с тем необходимо учесть, что любое, даже самое добросовестное, историко-философское исследование является тенденциозным, поскольку соответствует исследовательским задачам и возможностям конкретного автора. В этом смысле всякое историко-философское исследование также должно рассматриваться как некий социальный феномен.

Перед архимандритом Гавриилом стояла задача не только проследить исторические пути развития русской философии, но и доказать само существование последней. Уже для архимандрита Гавриила имела актуальность известная в историко-философской литературе антитеза «русская философия — философия в России», заключающаяся в выяснении национальных особенностей русской философии.

Для архимандрита Гавриила было очевидно, что «каждый народ имеет свой особенный характер, отличающий его от прочих народов, и свою философию, более или менее наукообразную, или по крайней мере рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии»⁹. Последняя оговорка заслуживает особого внимания. Архимандрит Гавриил утверждал, что на характер философии оказывает существенное влияние географическое положение страны («климат и особенности земли»), психический склад народа и его история. Совокупность названных условий приводит у одних народов к развитию философии в «наукообразном выражении», у других — в «повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии»¹⁰. Что касается признаков русского национального характера, определяющих характер философствования в России, то архимандрит пишет: «Россиянин богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству и послушен, нерешителен и даже недейтелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен, по отношению к любомудрию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом»¹¹. Эти характеристики архимандрит Гавриил подтверждает, как он выражается, «присловиями» — русскими пословицами и поговорками. В этой связи уместно вспомнить высказывание В. В. Зеньковского, утверждавшего, что философия становится национальной тогда, когда поднимается до раскрытия и выражения основных исканий национальной души¹².

Как видим, в своей «Истории философии» архимандрит Гавриил предвосхитил многие последующие рассуждения о специфике и отличительных особенностях русской философии, самой возможности её существования. Высказывания той же тональности мы можем найти у многих авторов. Так, В. В. Зеньковский писал по этому поводу: русская философия стала национальной, так как раскрыла и выразила «основные искания русской души». Эту же точку зрения разделяет З. А. Каменский, считающий, что поскольку «философия есть рефлексия <...> о всеобщем», то специфика национальной формы философии есть не что иное, как национальная форма

работы над «единым для всей мировой философии предметом», которая вытекает из особенностей исторических условий существования философии¹³.

Как отмечают Е. А. Ситницкая и др.¹⁴, в своих рассуждениях архимандрит Гавриил определил русскую философию как совокупность идей, отражающих внутреннюю духовную жизнь поколений, причём эта совокупность «не есть система» и, скорее, может быть представлена в виде конгломерата идей. В соответствии с этим история философии видится архимандриту Гавриилу как история становления, существования и смены различных философских воззрений. Признаком же системности, по мысли архимандрита Гавриила, — приводящий элемент, зависящий от умонастроения того или иного мыслителя и не имеющий первостепенного значения. Исследователи усматривают в данных утверждениях архимандрита свидетельство заочной полемики с Г. В. Ф. Гегелем. Последний, как известно, полагал, что история философии — процесс исторического развития идеи философии, а философия — система научных знаний. Собрание же разрозненных идей не представляет собой науки. Нетрудно заметить поэтому, что ответ Гавриила делает возможным существование философии у всех народов.

Вообще, несистемность мышления, отсутствие стремления к созданию развёрнутых теорий и разработке строгого категориального аппарата некоторые авторы считают специфической чертой русской национальной философии. Касательно отношения русских философов к построению философских систем показательным является высказывание Н. А. Бердяева: «Цель философии — не создание системы, а творческий познавательный акт в мире. <...> Подчинение философии — теологии создало одну схоластику, подчинение философии — науке создает другую схоластику».

Одним из важнейших пунктов отечественной философской историографии остаётся вопрос о специфике русской философии. Вокруг него по сей день ведутся острые дискуссии. Острота их не случайна: проблема специфики русской философии уходит своими корнями в осмысление особенностей отечественной культуры, русского национального самосознания и в исследование взаимодействия философствования в России с философскими идеями, концепциями Запада и Востока. Начало этому осмыслению было положено именно архимандритом Гавриилом.

Национальной особенностью русской философии, по мнению архимандрита Гавриила, является сочетание веры и знания, рассудочности и набожности. По выражению архимандрита Гавриила, «русская философия одолжена своим развитием духовенству русскому и частью грекам, первоначально занимавшим высшие места в русской иерархии»¹⁵. Отсюда следует, что философия неразрывно связана с религией. Цель философии — при помощи размышления разъяснить истины веры. Не случайно поэтому, что происхождение русской философии Гавриил приписывает духовенству, ведя её историю со времён митрополита Никифора, т. е. с XII в. И далее в центре исследовательского интереса Гавриила тоже в основном богословы: Нил Сорский, Феофан Прокопович, Григорий Конисский, Е. А. Болховитинов. Анализируется также наследие «киевского Марка Аврелия» Владимира Мономаха, Г. С. Сковороды, Д. С. Аничкова, Д. М. Велланского.

Вполне традиционно Гавриил делит европейские философские течения Нового времени на принадлежащие либо рационализму, либо эмпиризму. Внутри русской философии данное деление снимается, так как она, нацеленная на познание Бога, обладает той цельностью (воспользуемся в данном случае термином славянофилов), которой лишена западная философия в её односторонности. Таким образом, русскую философию, безусловно, можно обозначить как часть мировой философии, обладающую значительным историческим, содержательным и идейным своеобразием. Таким образом, самобытность русской национальной философии для архимандрита Гавриила очевидна, а вопрос о её заимствованном характере решается им отрицательно.

В истории философских исследований сочинение Гавриила оценивалось неоднозначно. Так, М. П. Погодин и Н. А. Полевой весьма высоко оценивали работу Гавриила. Вместе с тем абсолютизация одного критерия в оценке философии, а также приверженность архимандрита Гавриила религии и монархии привела историка русской философии к существенной тенденциозности изложения. Приходится согласиться также с М. М. Филипповым, Г. Г. Шпетом и В. В. Зеньковским, считавшими, что Гавриилу явно не хватило источниковой базы, а приверженность архимандрита официальной точке зрения сыграла с ним злую шутку, сузив круг доступных для рассмотрения авторов и возможных проблем. Самыми значительными русскими философами конца XVIII — первой половины XIX вв. в изложении архимандрита Гавриила оказались профессора Московского университета А. М. Брянцев, И. Ф. Буле, московские митрополиты Евгений Болховитинов и Филарет Дроздов, киевский митрополит Иннокентий Борисов, министр народного просвещения граф С. С. Уваров¹⁶. Очевидно, что многие из этих персоналий не имеют отношения к философии. О некоторых других, безусловно имеющих к ней отношение, например, о А. Н. Радищеве, архимандрит по известным причинам писать не мог, даже если бы и думал об этом.

С нашей точки зрения, преждевременной, политизированной и принципиально неполной в таких условиях и в это время была бы и любая другая попытка подобного историко-философского исследования. Поэтому судить о работе архимандрита Гавриила следует руководствуясь другими соображениями. Книга архимандрита Гавриила была первой, и этим объясняются во многом трудности её составления. Нельзя не признать, что главной заслугой автора явилось само заявление такой темы исследования, как русская философия. Несмотря на то что философские поиски в России до середины XVIII в. главным образом сводились к изложению мотивов восточного богословия, архимандрит Гавриил попытался увидеть за этим «зародыш» русской национальной философии и «нанизать» на этот стержень группу известных русских «любомудртствующих» умов, явившихся в историческом развитии России.

¹ Каменский З. А. Методология историко-философского исследования. М.: ИФРАН, 2002. С. 35.

² Мысливченко А. Г. Методологические проблемы историко-философского страноведения // Мысливченко А. Г. Философская мысль в Швеции. М.: Наука, 1972. С. 8.

³ Емельянов Б. В. Историография русской философии // Русская философия: Словарь / Общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. С. 195–199.

⁴ Гавриил, архимандрит. История философии. Казань, 1839. Ч. 1. С. 5.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Емельянов Б. В. Русская философия на путях самопознания: страницы истории // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии / Сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. С. 5.

⁷ Гавриил, архимандрит. История философии. Ч. 1. С. 19.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же. Ч. 6.

¹⁰ Там же. Ч. 6. С. 5.

¹¹ Там же.

¹² Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001. С. 25.

¹³ Каменский З. А. Русская философия с точки зрения всемирной // Вопросы философии. 1988. № 9. С. 124–125.

¹⁴ Ситницкая Е. А., Лойко О. Т., Пеннер Н. Е. Архимандрит Гавриил — первый интерпретатор русской философии // Христианские чтения. 1995. № 10. С. 96–97.

¹⁵ Гавриил, архимандрит. История философии. Ч. 1. С. 24.

¹⁶ Филиппов М. М. Судьбы русской философии. СПб.: Издание И. Глаголева, 1904. Ч. 1. С. 8–9.